

Поэт Сучанской долины К. Рослый: дальневосточная поэзия на службе новой идеологии

Елена Олеговна Кириллова,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: sevia@rambler.ru

Содержательно статья представляет собой первую часть предпринятого большого исследования, посвящённого анализу одного из направлений поэзии 1917—1922 гг. на Дальнем Востоке России — гражданской лирике. История развития литературы в регионе отражает общие закономерности литературного процесса того времени, который вместе с тем протекал здесь в условиях ожесточённой войны и длительной иностранной интервенции, под влиянием традиций русской классики и вопреки догмам «областничества». Идеино-тематическое содержание поэзии данного периода представлено в работе через анализ её жанрово-стилевого разнообразия, которое, в свою очередь, рассмотрено на примере творчества Константина Леонтьевича Рослого (1898, с. Перетино, Приморский край — 1926, Усть-Олукторка, Камчатка). По воспоминаниям очевидцев того времени, популярность дальневосточного поэта и командира, которого традиционно причисляют к представителям партизанской поэзии, среди населения Приморья была необыкновенной. Размышления и выводы базируются на привлечении уже «ушедших» в историю, забытых или малоизвестных сегодня произведений автора. Жанровое многообразие гражданской поэзии тех лет представлено лозунговыми стихами, агитками, призывами, военно-историческими, походно-маршевыми, патриотическими песнями. Анализ творческих поисков и экспериментов К.Л. Рослого дополняет эту палитру следующими жанрами: стихи с элементами сказа, народные песни, запевы, оживления, элегии, частушки, гимны, небольшие сатиры, воззвания, письма-послания, песни-плачи, песни-некрологи, реквиемы, баллады и др. В данной статье есть возможность рассмотреть лишь ряд перечисленных жанровых форм. Список литературы в работе включил наиболее полную библиографию по судьбе и творческим исканиям поэта-партизана. Работа построена на материалах Государственного архива Приморского края, Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Хабаровского

краевого музея имени Н.И. Гродекова. Используются также разнообразные материалы начала 1920-х гг. из личного архива автора статьи: поэтические сборники, фрагменты публикаций из дальневосточной периодики (газеты, журналы, альманахи), критические отзывы о литераторах, воспоминания очевидцев тех лет.

Ключевые слова: жанры дальневосточной поэзии, поэзия периода Гражданской войны и интервенции, поэты-партизаны, К. Рослый.

**Poet of the Suchan Valley K. Rosly: Far Eastern Poetry
in the Service of the New Ideology.**

Elena Kirillova, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: sevia@rambler.ru.

The paper represents the first part of a large study devoted to the analysis of one of the directions of poetry of 1917—1922 in the Far East of Russia — civilian lyrics. The history of the development of literature in the region reflected the general patterns of the literary process of that time. It proceeded in the conditions of the fierce war and prolonged foreign intervention, under the influence of the traditions of Russian classics and in defiance of the dogmas of “regionalism”. The ideological and thematic content of the poetry of this period is presented through the analysis of its genre and style diversity and based on the work of Konstantin Leontyevich Rosly (1898, village Peretino, Primorye Region — 1926, Ust-Olyutorka, Kamchatka). According to the recollections of eyewitnesses of that time, the popularity of the Far Eastern poet and commander, who is traditionally ranked among the representatives of partisan poetry, was extraordinary among the population of Primorye. Reflections and conclusions are based on the author’s already forgotten or little-known works today. The genre diversity of civilian poetry of those years is represented by slogans, agitations, appeals, military historical, marching, patriotic songs. The analysis of K.L. Rosly’s creative searches and experiments complements this palette with the following genres: poems with elements of the tale, folk songs, chants, expectations, elegies, ditties, hymns, small satires, appeals, letters, songs of lament, obituary songs, requiems, ballads, etc. In this paper it is possible to examine only some listed genre forms. The references included the most complete bibliography on the fate and creative searches of the Far Eastern partisan poet. The work is based on the materials of the State Archive of the Primorye Region, the Russian State Historical Archive of the Far East, the Khabarovsk Regional Museum named after N.I. Grodekov. Various materials of the early 1920s from the personal archive of the author were also used: poetry collections, fragments of publications from Far Eastern periodicals (newspapers, magazines, almanacs), critical reviews of writers, memories of eyewitnesses of those years.

Keywords: genres of Far Eastern poetry, poetry of the period of the Civil War and intervention, partisan poets, K. Rosly.

В начале 1920-х гг. в литературном процессе Дальнего Востока, как и России в целом, преобладала поэзия — по преимуществу малые поэтические жанры, позволявшие оперативно и чётко выражать свои мысли и чувства, своё отношение к действительности. Специфическая общественно-политическая обстановка в регионе в 1917—1922 гг., особая социокультурная среда были обусловлены Гражданской войной, интервенцией и возникновением дальневосточной буферной республики, просуществовавшей немногим более двух лет (1920—1922), формально самостоятельным государством народно-демократического типа. Образование «буфера», сохранение легальности существования буржуазных партий — необходимость этих мер объяснялась внешнеполитическими причинами. Решающую роль в социальной и политической обстановке региона сыграли также борьба различных групп, наличие белоэмиграции, но главное — крупное сосредоточие художественной интеллигенции и людей искусства. Все вышеперечисленные факторы обусловили разнообразие и самобытность дальневосточной поэзии и дальневосточного искусства. В период пяти бурных революционных лет в регионе формируются значительные творческие силы, а Владивосток становится центром культурной жизни, где сталкиваются различные идейно-эстетические направления в литературе. Последнее, впрочем, было, как известно, характерно для литературного процесса 1920-х гг. России в целом.

Цель данной статьи — анализ жанрово-стилевой и идейно-тематической наполненности гражданственной поэзии. Оторванность от центра страны, непрекращающаяся Гражданская война, постоянная угроза интервенции: в таких условиях рождалось на Дальнем Востоке искусство нового мира — реалистическая поэзия. Объектом исследования стало творчество коренного жителя края — поэта-партизана К.Л. Рослого. Изучение других направлений и поэтических течений дальневосточной поэзии того времени, а также творчества конкретных их представителей с уверенностью можно отнести к перспективам исследования.

Характеризуя прессу на Дальнем Востоке в 1920 г. и рассуждая о местных журналах, известный библиограф, преподаватель Государственного дальневосточного университета (ГДУ), выпускник японо-китайского отделения Восточного института (1912—1916) и историко-филологического отделения (1918—1921) Зотик Николаевич Матвеев во владивостокском журнале «Земская жизнь Приморья» отмечал, что прессе пришлось играть весьма важную роль ввиду тех исключительных

событий, которые имели место на территории Дальнего Востока. «Гражданская война в начале года, принявшая большие размеры, вскоре закончилась, хотя местами она не была изжита и до середины года, когда, наконец, начались переговоры о прекращении её и объединении всего русского Дальнего Востока в одно государственное образование, получившее название „Буферного“. Здесь, на Дальнем Востоке, столкнулись интересы не только враждебных русских групп, но иностранных государств в лице Японии, Китая и отчасти Америки и Франции. Пресса должна была служить делу объединения областей Дальнего Востока, призывая к гражданскому миру для того, чтобы изжить интервенцию и оккупацию, которые имели место в течение 1920 года» [29, с. 16—20].

Неудивительно, что в таких сложных общественно-политических условиях явное влияние приобретает поэзия борьбы за социальное обновление общества, за народовластие — так называемая «поэзия лесов и сопок» (в терминологии сибирского исследователя В.П. Трушкина) с её ориентацией на традиционные, зачастую народно-поэтические основы. Революционное содержание поэзии дальневосточных партизан определяло и жанровые особенности их творчества. Палитру жанровых разновидностей партизанской поэзии и наиболее ярких её представителей — Г. Отрепьева, К. Рослого, В. Кручины, П. Парфёнова и других — составляли *призывные песни, гимны, лозунговые стихи, стихи с элементами сказа, акафисты, песни-баллады, песни-некрологи, реквиемы*. Партизанская сатира воплощалась в разнообразных *частушках, фельетонах в стихах, агитках*. Широкое распространение, наряду с частушкой и песней, получил жанр *письма-послания*, например, к обманутым белыми солдатам, врагам трудового народа. В них подвергались сатире интервенты (японские генералы, американские «хищники» и их «прихлебатели» — меньшевики и эсеры, белогвардейские атаманы. «Написанные одним лицом, эти послания в то же время — результат коллективного творчества» [41, с. 31].

В своём творчестве некоторые поэты опирались на глубокие фольклорные истоки, песенность; для такой поэзии были характерны элементы стилизации, стремление говорить «под народную речь». Во многих своих проявлениях это была поэзия, идущая от традиций революционно-народнической лирики XIX в. Таковыми, например, можно считать песни и стихи поэта дальневосточных партизан, активного участника и героя Гражданской войны, одного из организаторов советской власти в Приморье, военкома 4-го Сучанского партотряда Приморья

Константина Леонтьевича Рослого (1898—1926). Отметим, что творчество партизанского вожака в советское время не замалчивалось, имя К.Л. Рослого, как идеологически выдержанного советского поэта, рано ушедшего из жизни, было включено в самую первую антологию поэзии Дальнего Востока, которая вышла в Хабаровске в 1967 г. [2, с. 84—90], и в более поздние издания подобного типа: «Сто лет поэзии Приморья» (Владивосток, 1998) [52, с. 37—38], «Писатели Приморья» (Владивосток, 2006) [19, с. 171].

Писали о поэте-партизане К. Рослом А.П. Георгиевский [5, с. 87—90], З.Н. Матвеев [28, с. 121—124], Н.Н. Матвеев-Бодрый [31; 30, с. 58—67; 33, с. 161—163; 34, с. 65—73]. В первой половине XX в. особая заслуга в популяризации имени поэта принадлежала представителям известного во Владивостоке клана Матвеевых. Один из его представителей, Н.Н. Матвеев-Бодрый, ставший летописцем огромного матвеевского рода и, по сути, биографом К. Рослого, посвятил партизанскому лирику ряд заметок и большой историко-мемуарный очерк. Эта работа была опубликована в 1959 г. во владивостокском литературно-художественном альманахе «Тихий океан» [32, с. 125—162]. На протяжении второй половины XX в. имя дальневосточного поэта также было известно, в частности благодаря публикации заметок его соратника по партизанской борьбе Г.Н. Матвеева [25; 26; 27]. В своих историко-мемуарных очерках боевые друзья К. Рослого И.П. Самусенко [50, с. 4] и Н.К. Ильюхов [13] рассказывают о поэте с теплотой и сердечностью.

Приступая к исследованию творчества К. Рослого, мы поставили задачу собрать наиболее полную на сегодняшний день библиографию по его судьбе и творческим исканиям. О дальневосточном авторе писали Б. Беляев [3], В. Захаров [10], Е. Левит [20, с. 4], В. Косолец [16], Е. Рева [42, с. 3—4], Э. Бондарева [4], Е. Дроздова [9], Б. Августовский [1], Н. Леонов [21; 22; 23, с. 159], Л. Иващенко, П. Котенок, П. Шиманский [12, с. 22—24; 17], К. Зилова [11, с. 5—16]. Собранный библиография включила некрологи [38, с. 2], а также статьи и заметки журнально-газетного типа без указания авторства [18; 37; 39; 51].

Большую работу проделал в середине прошлого века литературовед В.Г. Пузырёв, впервые рассмотревший творчество наиболее известных представителей партизанского направления [40, с. 201—247]. Обнаружить упоминание имени поэта К. Рослого можно в посвящённых развитию и становлению советской литературы в Сибири и на Дальнем Востоке работах исследователей В.П. Трушкина [54], Н.Е. Дворниченко [8], литератора и коллекционера А.В. Ревоненко [43].

В собрании литературного отдела Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова есть коллекция Константина Рослого. Это материалы, переданные туда в 1984 г. братом жены Константина Леонтьевича, и материалы, собранные братом самого поэта С.Л. Рослым. В коллекции представлены рукописи стихов, сочинённых в 1915 и 1917 гг., фотографии, протоколы заседаний комитета комсомола и тройки по борьбе с бандитизмом, возвания к населению, инструкции. Материалы по К. Рослому вошли в архив семьи Матвеевых, который в 1984 г. был выкуплен Хабаровским краевым музеем им. Н.И. Гродекова. Архив, коллекция которого насчитывает 22 000 единиц хранения, собирался Николаем Николаевичем Матвеевым-Бодрым (1890, Владивосток — 1978, Подрезково, Московская обл.). На протяжении всей своей жизни Николай Николаевич бережно хранил и приумножал всё, что так или иначе было связано с его семьёй. После смерти архив вместе с личной библиотекой его собирателя был передан в Хабаровский музей сыном Виктором Николаевичем Матвеевым.

Константин Рослый происходил из крестьянской семьи. Родился в 1898 г. в селе Перетино Сучанской волости Ольгинского уезда Приморской области, в наше время — Партизанского района Приморского края. Его отец Леонтий Артёмович — хлебороб, сельский учитель, переселенец, приехавший из Суражского уезда Черниговской губернии. По окончании военной службы вслед за своими односельчанами он отправился на Дальний Восток. Огромный путь совершил от Чёрного до Японского моря, пока наконец не оказался во Владивостоке, затем на Сучане, в деревне, названной черниговскими переселенцами в память о своём селе Перетино. Леонтий Артёмович женился. Родители Пульхерии Петровны, матери Кости, — Хмельницкие, переселились на Дальний Восток в 1860-х гг. Отец Пульхерии Петровны — дед Кости — кантонист, пробыл на военной службе 27 лет и был участником Русско-турецкой войны.

Дом Рослых, покрытый соломой, стоял на краю села. Семья была большая — четверо сыновей и пять дочерей. Среди сыновей Константин был старшим, но рос маленьким и худым. Брат Тихон, на два года моложе Кости, был покрепче и всегда защищал его от мальчишек. В течение своих непродолжительных жизней братья были очень дружны. Иван был моложе Кости на пять лет, а самый младший из братьев, Сергей, — на пятнадцать лет [36]. К слову, Иван Леонтьевич Рослый во второй половине 1920-х гг., будучи студентом рабфака ГДУ (вероятно, историко-филологического факультета) и проходя фольклорную

практику, выступит одним из собирателей материалов по старинным воинским и солдатским песням, бытовавшим в Сучанском районе. Кроме того, И. Рослым также были записаны частушки, песни о политике и комсомоле, бытовые, антирелигиозные, хулиганские песни. Но это тема отдельного исследования. Скажем только, что брат Кости Рослого записывал эти устные тексты в своей родной деревне Перетино Сучанского района Владимиро-Александровской волости Владивостокского округа. И весьма вероятно, что информантами для него выступили члены большой семьи Рослых, близкие и дальние родственники. Об Иване как собирателе фольклора родного села свидетельствует *фольклорно-диалектологический очерк «Фольклор Приморья»* [6, с. 73—74, 105, 108—109], подготовленный профессором ГДУ, заведующим Приморским архивным бюро А.П. Георгиевским (1888, Новгородская губерния — 1955, Свердловск). Эта книга с подзаголовком *«Русские на Дальнем Востоке»* была издана в типографии университета в 1929 г. в серии «Труды Государственного Дальневосточного университета».

В шесть лет Костя Рослый пошёл учиться и десятилетием окончил сельскую приходскую школу. История литературного становления началась с приходского врача Борхарда. Как писал фольклорист А.П. Георгиевский в своей статье «Искорки таланта» (1928), посвящённой погибшему поэту-партизану, «Борхард подметил на Сучане в с. Перетино, недалеко от бухты Ченьювай залива Америка, способного мальчугана-крестьянина Костю Рослого, слагавшего стихи» [5, с. 87]. Именно врач родного села и смог убедить Костиного отца, что сынишке надо интеллектуально развиваться и с его здоровьем в крестьянском хозяйстве он не помощник. Ребёнок имел дома прозвище «шкилет» и среди братьев, вполне оправдывавших свою фамилию, выглядел маленьким и хилым [32, с. 126]. Уже во взрослой жизни многие часто отмечали, что фамилия совершенно не гармонировала с его внешностью. Худым Костя остался на всю жизнь. «Лядаший, сутулый, скобкообразный, белобрысый», — такими внешними характеристиками наделят его позже друзья-партизаны [13, с. 90].

Отец согласился, и в 1912 г. мальчик поступил учиться в высшее четырёхклассное начальное училище во Владивостоке, которое окончил в 1914 г. Авторы очерка, посвящённого поэту-партизану, П. Котенок и И. Шиманский уточняют детали: «С помощью Борхарда собрали тринадцать рублей — деньги по тем временам для бедняка-крестьянина большие. И вот двенадцатилетний паренёк отправился пешком во Владивосток. Более двухсот вёрст шёл он от деревни к деревне, ночевал

там, где приютят. Но вместо школы Костя попал в полицейский участок. Его приняли за беглеца из родительского дома и этапным порядком вернули в родную деревню. Второй раз его отвёз в город доктор Борхард и устроил в семье школьного сторожа» [17].

Далее была учёба во Владивостокской мужской гимназии: с помощью Марии Владимировны Сибирцевой, родственницы писателя А. Фадеева (его тётка), Косте удалось поступить туда в 5 класс на «казённый счёт». «М.В. Сибирцева оказала на меня большое влияние, а встречи с рабочими дали толчок ненависти к богачам», — так определял поэт первоисточники своих убеждений в автобиографии. (Личное дело К.Л. Рослого хранилось в Партийном архиве Приморского края) [40, с. 215]. В гимназии юноша был активным участником литературного кружка, где сдружился с будущими советскими писателями Павлом Далецким, Александром Фадеевым, его двоюродными братьями Игорем и Всеволодом Сибирцевыми. Здесь же, в весьма прогрессивном по тем временам литературно-художественном рукописном кружковом журнале «Юные годы», выходящим под редакцией ученика старших классов Аполлинария Колбина, Костя напечатал свои первые стихотворения, датированные 1912 г. Так, стихотворение «Ночь на устье реки Сучан» было написано юношей в возрасте четырнадцати лет:

*Ночная тьма ложится
Уж на вершины гор,
Сучан во мгле струится,
Молчит дремучий бор.
Склонился клён высокий
Над ивой молодой.
Летает сон глубокий
Над спящею землёй.
Всё летним сном объято,
Как воздухом земля.
Сучан ласкает Брата,
Леса, луга, поля [36].*

П. Далецкий вспоминал: «На больших переменах мы обычно уходили в рощицу, которая в то время процветала внизу, под обрывами, и читали стихи. Костины стихи были напоены деревней и, помню, меня тогда поражала и радовала их зрелость» [5, с. 88].

В 1915 г. за революционные стихотворения, в которых юноша клеймит власть имущих, Костя был исключён из гимназии.

Ещё раньше его грозились исключить из городского училища. Как сам он писал позднее в автобиографии, «вступил в спор с классным священником и был прозван „еретиком”» [40, с. 215].

Идёт Первая мировая война, у юноши слагаются стихи о безвременье, несправедливости в мире, бедных и богатых, стихи с критикой существующего в стране строя. Уже в дореволюционных стихах будущего дальневосточного поэта-партизана: «Где-то в блеске среди шумного бала» (1914), «Стонет от гнёта и горя тяжёлого» (1914—1915), «Забывшим всё» (1915), «Узник» (1915) — поднимаются социальные темы, звучат социальные мотивы. И всё сильнее в этих гимназических пробах пера начинает проявляться серьёзное сочувствие угнетённым, негодование по поводу бесправного положения трудящихся, ненависть к классовым врагам. Поэтические произведения автора наполнены верой в неизбежную победу трудового коллектива и надеждой на справедливость, которая непременно восторжествует на земле. Лирический герой К. Рослого — узник-революционер — «Верит, что пронесётся невзгода / А за нею тиранство и гнёт... / Для страдавшего веки народа / Солнце правды и славы взойдёт» [5, с. 89].

Вот как в подробностях описывается эпизод, предшествовавший исключению Кости из гимназии: «Директор гимназии Дионисий Осипович Круглый, человек с дворянской спесью, давно не взлюбивший Костю, непокорного деревенского паренька, бросил оскорбительную фразу: „Мужик, что ты смыслишь в политике?!” — „Но ведь вы-то, Дионисий Осипович, хлеб едите мужи — ц — кий!” — ответил Костя. Эта дерзость только ускорила развязку, директор выгнал Костю, а совет попечителей подтвердил его решение. На исключении Кости Рослого из гимназии особенно настаивал рьяный монархист таможенный чиновник Заушкевич. Он придумал и подходящий повод, не порочащий „добрую репутацию” гимназии. Попечители даже в мыслях не могли допустить того, что в опекаемом ими учебном заведении могли появиться вольнодумцы. Повод Заушкевича был вполне приемлем: Костю Рослого исключили „за издевательство над русским поэтом Лермонтовым”. Это лицемерное решение было обидно вдвойне потому, что именно поэзию Лермонтова Костя любил более всего на свете» [17]. На этом образование К. Рослого оборвалось навсегда.

Приведём наиболее известное стихотворение дальневосточного поэта «Золото дорожное», датированное сентябрём 1919 г. и написанное в долине Сучана. На наш взгляд, создано оно в лучших традициях народной крестьянской поэзии, идущей от А. Кольцова:

*Изоткало полдень золотыми пряжами
Кропотное Солнце — Золотая Пряжа,
Кланяются паханы ярицей до сажени
Урожаю-батюшке в золотой рубахе.
На щетине озими бабами нарядными
Копны разместились — гости от Петра...
Жнивы густо постланы льнами тонкопрядными...
Ты на льны пролейся дождь, как из ведра.
Кони, утомлённые рысью многоверстной,
Взвезли копытами золотую пыль,
Огороды кинулись — сарафаны пёстрые —
Догонять поскотину, с нею — чернобыль.
Солнечных подсолнухов лица полусонные,
На ресницах радуги золотистый воз,
Жницы за околицей кофта изумлённая.
Одурели с радости воробьи берёз.
На лазурном выпасе табунами нежными
Овцы златорунные ходят — облака.
Век — из век колёсами взрытая тележными,
Как ты, Русь пшеничная, далью широка... [44, с. 3]¹.*

Источником поэтического вдохновения служили для К. Рослого не только революционно-демократические изменения в стране, социально направленные темы, но и пейзажная лирика «Содержание произведений неизменно сельское, средьцветковое, возлетравное, наполянное... рожь, хаты, чернобыль, рассказы на завалинках, вечерки, околицы, — писал про начинающего поэта в 1920 г. один из местных критиков. — У поэта в стихах мелькает всё та же разнокрасная деревенская быль... „О вечер гармонь-задорница, / Не заводит хоровод, — / Всех, что холодом обвезало, / Призадумался народ“. Или: „... За селом глухой околицей / Путь-дороженьку держал...“ [49, с. 3].

В.Г. Пузырёв, анализируя «Золото дорожное», первым отметил, что стихотворение во многом перекликается с обрядовой календарной песней. В нём раскрываются особенности деревенского труда, радостное чувство при виде богатого урожая, поэтизируется солнце как источник тепла и света. Разрабатывая тему солнца и растений, поэт не забывает отметить состояние солнца («кропотное»), облаков («табуны нежные, овцы златорунные»), количество осадков («дождь, как из ведра»). Образы солнца и природы даются крупным планом. О связи

¹ При цитировании текстов (в том числе поэтических произведений), взятых со страниц дальневосточных газет и журналов, которые хранятся в архивах, сохраняются орфография и пунктуация источника.

с обрядовой песней напоминает и замечание поэта о празднике «Петра», который совпал с так называемым «летним солнцеворотом» (12—15 июля), с временем созревания злачных растений [40, с. 218—219]. Однако и «критическое отношение К. Рослого к жанру обрядовой песни проявляется в том, что поэт устраняет мотив бессилия человека перед стихией природы, характерный для многих календарных песен. Он не возвеличивает предрассудки крестьян, их слепое поклонение природе. К. Рослому чуждо любование прошлым, поэтизация отживающих явлений. Он берёт в фольклоре то, что связывает крестьянина-труженика с будущим» [40, с. 219]

«Приморская деревня, с своеобразной природой, с деревенскими картинами, с образом переселенца-крестьянина, борющегося с капризной природой и новыми условиями жизни на далёкой окраине, — вошла, прежде всего, в сознание К. Рослого и оставила в нём неизгладимый след», — отмечал в 1928 г. литературовед А.П. Георгиевский [5, с. 87]. И действительно, в своей недолгой жизни и своих произведениях, которые в небольшом количестве дошли до нас, молодой поэт ставил крестьянский труд на первое место. Истоки этого были заложены в самой семье: «Семья с хлеборобом отцом во главе, бывшим сельским учителем, ставившим, по словам брата Константина Леонтьевича — Ивана, труд на первом и единственном в своём роде месте, и матерью, неграмотной труженицей-женщиной» [5, с. 87]. Так, особенно подчёркивается в «Золоте дорожном» трудовая основа обряда. В стихотворении нет крестьянина-труженика, он упоминается косвенно, сравнениями и метафорами (золотая рубаха урожая; озими, как бабы нарядные; огороды в пёстрых сарафанах; ресницы радуги и т.д.). Всё говорит о незримом присутствии человека, о том, что именно он — творец этого урожая. Так тонко и поэтически верно поэт прославлял созидательные силы народа [40, с. 219].

Примечательно, что стихотворение «Золото дорожное» было посвящено известному владивостокскому поэту-модернисту Венедикту Марту-Матвееву (1896, Владивосток — 1937, Киев), четвёртому сыну учёного, просветителя, самобытного писателя, поэта и журналиста, общественного деятеля, подвижника издательского и редакторского дела на Дальнем Востоке Николая Петровича Матвеева-Амурского. В подзаголовке произведения уточнялось: «К десятилетию литературной деятельности В. Марта 27 марта 1920 г. посвящено» [44, с. 3]. 27 марта 1896 г. Венедикт Николаевич отмечал свой двадцать четвёртый приход в этот мир, стихи же писал, так же как и К. Рослый, с четырнадцати лет.

Надо сказать, что семья Николая Петровича Матвеева, где писали едва ли не все, кто умел держать перо, оказала на формирование будущего поэта-партизана сильное влияние. После исключения из гимназии Костя на время остаётся во Владивостоке, зарабатывает на жизнь репетиторством и переезжает в дом Матвеевых. Знакомство с этой семьёй тоже состоялось на почве репетиторства, которым подрабатывали сыновья Николая Петровича. Так, третий сын Пётр, «вечный репетитор», как его называли дома, вспоминает свою первую встречу с Костей в одной из городских столовых: «Он, синеглазый, волосы — рожь золотистая, в синей рубашке — простой деревенский парень. Во внешнем облике поэт в нём не угадывался: ни в причёске, ни вообще в наружности, ни в одежке. Говорил громко» [32, с. 129]. Вскоре Костя Рослый переступил порог дома № 9 на Абрекской улице и оказался в окружении многочисленной семьи Матвеевых. Образовывать в этом известном во всём городе доме молодого начинающего поэта начали Зотик Николаевич Матвеев-Зенем (1889, Владивосток — 1938, Владивосток) и Пётр Николаевич Матвеев — Нон Эсма (1892/1893, Владивосток — 1962, Куйбышевская обл.), старшие сыновья Николая Петровича. Зотик — к тому времени уже известный востоковед, историк, библиограф, книголюб, краевед — привил любовь к чтению, книгам, расширяя кругозор деревенского парня, а Пётр, учитель математики и спортсмен, крайне эрудированный, выпустивший в 1919 г. во Владивостоке в издательстве отца свою книгу «Источник силы (Афоризмы)», консультировал юношу по философии. К слову, Пётр Николаевич Матвеев — отец писателя и военного лётчика Льва Петровича Колесникова (1923, Владивосток — 1986, Волгоград). Таким образом, в доме Матвеевых для Кости нашлось главное — здесь была литературная среда и огромная библиотека.

По духу и по форме Косте были ближе стихи самого главы семьи Николая Амурского, тяготевшего к некрасовской школе, нежели его сыновей — приверженцев футуризма и авангарда. Неслучайно он печатается в «Приамурском кооператоре» и «Великом Океане» — журналах, редактируемых семьёй Матвеевых, сотрудничает также с газетами «Эхо», «Крестьянин и рабочий». Однако, несмотря на разные представления о литературных поисках и экспериментах, крепкая личная и творческая дружба связывала будущего партизанского командира в эти годы и с Венедиктом, и с его младшим братом Гавриилом Николаевичем Фаином-Эльфом Матвеевым (1898, Владивосток — 1922/1924, не позднее 1927, Сибирь), пятым сыном в семье Николая Петровича Матвеева-Амурского. С обоими Костя познакомился ещё учась в гимназии. Пётр Николаевич вспоминал:

«Тройка поэтов горячо обсуждала проблемы поэзии, забира-лась в дебри рифм, говорила о ритмике в стихах, о всякого рода ассонансах, аллитерациях, нюансах в поэзии. Разговоры о поэзии, о литературе переплетались с вопросами о смысле жизни, о красоте природы... Как облечь в поэтические формы красоты Владивостока, раскинутого в горах у берегов Тихого океана? Каким образом воспеть любимый Сучан? Как в стихах рассказать о своём детстве и родной деревне. И юные поэты порою до глубокой ночи „мучились“ в поисках соответствия формы и содержания» [32, с. 129—130].

Известно, что В. Март писал статьи и выступал с лекциями. Одну из таких лекций под названием «Народ, искусство и знание» сохранил на своих страницах всё тот же журнал матвеевской семьи «Великий Океан». Из примечания к лекции сегодня мы можем узнать, что она была прочитана Венедиктом Николаевичем на литературных утрах кооперативной артели «К знанию и к искусству» в сёлах Владимиро-Александровском и Новицком — на Сучане [24, с. 167—171]. С её полным текстом можно ознакомиться в работе «Дальневосточная гавань русского футуризма» [15, с. 124, 499—502]. Н.Н. Матвеев-Бодрый, второй сын Николая Петровича, вспоминал, что «иногда вместе с Гавриилом К. Рослый устраивал литературные вечера, на которых оба поэта выступали с революционными стихами» [32, с. 135]. Скорее всего, в этих поездках по краю Венедикт и Гавриил останавливались в доме Рослых в Перетино. Родители Кости, особенно мать, Пульхерия Петровна, были рады всем его друзьям, тем более что владивостокская семья Матвеевых так много сделала для будущего поэта-командира.

В разгар Гражданской войны и освобождения от интервенции деятельность сучанского комсомольского подполья и участие в партизанских отрядах сближает Костю с Георгием Николаевичем Матвеевым (1901, Владивосток — 1999, Подмосковье), шестым сыном Николая Петровича.

Добавим также ещё один малоизвестный факт: К. Рослый стал первым мужем Марии Николаевны (1905, Владивосток — 1988, Сан-Франциско) — одной из трёх дочерей Николая Петровича Матвеева (1865, Хакодате — 1941, Кобе) и Марии Даниловны Матвеевой (в девичестве Поповой) (1872—1955, Сан-Франциско). Всего детей в этой удивительной семье насчитывалось пятнадцать, но лишь двенадцать вошли во взрослую профессиональную жизнь, трое умерли в детстве.

В своём недолгом браке супруги Мария Николаевна Матвеева и Константин Леонтьевич Рослый были бездетны. Если сослаться на родословную семьи Матвеевых, составленную 24 ноября 1989 г. Татьяной Зотиковной Матвеевой (1918, Вла-

дивосток — 1994, Владивосток), дочь репрессированного Зотика Николаевича, то в Японии Мария во второй раз вышла замуж за русского эмигранта, торговца Кривушина [35]. Очевидно, в Страну восходящего солнца она уехала после трагической гибели первого мужа. К тому времени там уже находились её родители и младшие братья. Далее, вероятно, последовал переезд в Сан-Франциско, где ныне покоятся останки Марии Николаевны [55, с. 26]. Известно, что во втором браке у неё родилась дочь Елена Кривушина, а её дети, внуки Марии Николаевны и правнуки Николая Петровича Матвеева-Амурского, потомки огромной когда-то семьи, в наше время, очевидно, проживают в США или других странах.

Отступив от темы, отметим, что после начавшихся во Владивостоке гонений и со стороны левых, и со стороны правых, в июне 1919 г., давно находясь под наблюдением тайной полиции и спасаясь от преследований еженедельно меняющихся «правительств», свирепствующих в тот момент колчаковцев, пятидесятилетний Н.П. Матвеев-Амурский вместе с женой и младшими сыновьями Михаилом, Глебом и Анатолием эмигрировал в Японию. Решение было временным, почётный гражданин Владивостока, гласный городской думы, председатель целого ряда культурных обществ и советов в нашем городе, первый профессиональный литератор уезжал в надежде вернуться. Однако этого уже не произойдёт, своих старших детей он больше никогда не увидит. В Стране восходящего солнца Николай Петрович продолжил заниматься журналистикой, издательской и литературной деятельностью, в организованном им издательстве «Мир» издавал на русском и английском языках журнал «Русский Дальний Восток». С 1922 г. занимался книготорговлей, ведал русской библиотекой, под новым псевдонимом «Дед Ник» начал писать детские сказки. Внёс, как утверждал директор Института славяноведения на Хоккайдо доктор Хара, «большой вклад в распространение русской культуры в Японии» [15, с. 493].

Н.П. Матвеев скончался в Кобе в 1941 г., был похоронен на русском кладбище. Сделаем предположение, что после смерти супруга Мария Даниловна, пережившая своего известного мужа на четырнадцать лет, уезжает к дочери Марии Кривушиной в США (или с дочерью). Это подтверждается и тем фактом, что Мария Даниловна похоронена именно в Сан-Франциско — упоминание об этом обнаруживается у Татьяны Зотиковны [35] и у А.А. Хисамутдинова. Дальневосточный исследователь-историк в труде «Жизнь за книгу», посвящённом расстрелянному Зотику Николаевичу Матвееву и его дочери, публикует фотографию памятника на могиле М.Д. Матвеевой на Сербском кладбище в Колме (Калифорния) [55, с. 22].

Таким образом, начало распада крепкой и удивительно дружной когда-то семьи Матвеевых незримо было связано с отъездом её главы, последовавшие далее кровавые события в стране и свинцовая эпоха 1930-х гг. завершили трагедию рода. Как известно, они обернулись катастрофой — страшный век XX прокатился давящим колесом по уникальной семье Матвеевых. Отвести беду от всех своих детей Николай Петрович не смог. Судьба многих представителей этого клана сложилась трагически: гонения, репрессии, тюрьмы, психиатрические лечебницы, расстрелы... [14].

В 1914—1917 гг. поэтическим образцом для будущего певца Сучана Кости Рослого было творчество народников и Н. Некрасова — поэта печали и гнева крестьянских трудящихся масс, идеалом — напевность и простота некрасовского стиха. Будущий поэт-партизан также восхищался А. Пушкиным, увлекался Н. Гоголем, лирикой А. Фета, Ф. Тютчева, Я. Полонского, А. Кольцова, И. Никитина, испытал на себе влияние С. Надсона, который в течение определённого времени был, по собственному выражению Константина Леонтьевича, его «другом-поэтом». «Из новейших поэтов внимание поэта привлекали крестьянские лирики — Н. Клюев, частично С. Есенин» [5, с. 88]. Как пишет в своём очерке Николай Николаевич Бодрый, большой интерес К. Рослый проявлял к иностранным классикам: «Он знал произведения Гейне, Гёте, Дюма. Одно время сильно увлекался Байроном» [32, с. 130]. Конечно, ранние произведения К. Рослого не обошлись без подражания классикам. В них ещё чувствуются шероховатости и отсутствие хорошей литературной школы. Тем не менее дальневосточные рецензенты тех лет отмечали, что его творчество захватывает своей непосредственностью и ясной проникновенностью: «Письмо поэта — простое, чёткое, сочное и быстрое. Слова меткие, бойкие, подчас задорные и всегда ясные. Размеры стихотворений незатейливые, густоударные, подчас отрывисто-размашисто-вызывающие. Ритм зоркий, поворотливый, иногда упорно-тяжеловатый, но всегда выносливый и проворный. Рифма — мягкая, протяжная, нередко робкая с недоговорами или с уязвлёнными перезвуками. В последних рифмах поэт стал как-то более настроженным, разборчивым и затейливым» [49, с. 3]. Уже в этих оценках угадываются зачатки будущей самобытности сучанского лирика.

Сегодня весьма примечательно узнать, что писали владивостокские газеты начала 1920-х гг. о поэте-партизане. Таких отзывов сохранились, к сожалению, единицы. Прочитируем фрагменты из заметки «Поэт-партизан», сопровождавшей публикацию стихотворения «Золото дорожное»

во владивостокской газете «Эхо». Личность автора заметки скрылась за подписью «Садарико». Принадлежность этого псевдонима установить точно пока не представляется возможным, однако Н.Н. Матвеев-Бодрый в своей статье о К. Рослом приводит некоторые цитаты из статьи как принадлежащие поэту-футуристу Венедикту Марту. Выскажем некоторое сомнение в таком соотнесении, подобный псевдоним у В. Матвеева-Марта в дальневосточной печати нами отмечен не был. Аргументируя свою точку зрения, добавим, что подпись «Садарико» обнаруживается и под другими газетными публикациями владивостокской печати 1919—1920-х гг.: некрологом памяти поэтессы О.Г. Худяковой [48, с. 4], библиографией, посвящённой всему сочинённому В. Маяковским в 1909—1919 г. (Петербург. 286 с.) [47, с. 5] и др.

Так, рассказывая о перипетиях жизненного пути поэта, Садарико отмечает: «К. Рослый — ещё совсем молодой человек, ему 22 года. Печататься он начал незадолго до своего партизанства. Первые его строки появились в „Великом Океане“. Теперь, когда в местной печати так много говорилось об искусстве и поэтах, о всех переговорено, особенно хочется сказать несколько слов и о К. Рослом — обойдённом и вовсе не отмеченном. К. Рослый — одна из интересных фигур художественного Дальнего Востока, и является коренным жителем его — дальше Никольск-Уссурийского поэт ещё не успел показаться. Родился он в тихой незаметной деревушке Перетино, где-то среди гордых орлиных гор сурового Сучана, в самой чистой крестьянской семье, и до сих пор не покинул своей хаты. Двенадцатилетним парёнком впервые вырвался было в город на учёные, подсобрал 13 рублей и Бог весть как добрёл до Владивостока. Тогда Владивосток не отличался ещё тем обилием и разношерстностью населения, а был негромким уютным городом, в котором дремно проживали старожилы-завсегдатаи. Неуместная фигурка сельского мальчугана, без толку снующая по улицам, назойливо высматривающего „где школа“ — заинтересовала зорких полицейских и паренёк, вместо школы, угодил в часть... „— Ишь школу выдумал!.. Знаем, какую школу — сбегал от отца... Ничего — воротим!..“. Но мальчугану удалось убежать из части и найти приют где-то у школьного сторожа. Так начал свою карьеру К. Рослый. Ему помогли сердобольные люди, и он скоро очутился в гимназии. Дошёл до 6 класса, из которого был выгнан тогдашним директором Круглым за то, что оказался „грубым мужиком“» [49, с. 3].

После Февральской революции и новой неудачной попытки в ноябре 1917 г. продолжить образование в гимназии Костя уезжает в Перетино. На решение повлияли отсутствие средств

к существованию и болезнь отца. В родном селе он работает народным учителем. По свидетельству брата Сергея, Костя организовал при школе драматический кружок, где не только ставились различные пьесы, водевили, инсценировки, которые нередко писал сам Костя, но и разучивались революционные стихи, песни. «Драмкружок снискал себе добрую славу во всей Сучанской долине» [40, с. 217]. По воспоминаниям земляков, Костя «читал лекции, делал доклады, организовывал библиотеку, разъяснял сущность ленинских декретов» [36; 17].

После бело-чехословацкого переворота (1918) К. Рослый в составе отряда углекопов Сучана отправляется на фронт, годом позже, в июне, командирован в Анучино для работы в газете «Крестьянин и рабочий». Но уже в 1919 г. возглавляет в родной деревне первую боевую дружину партизан из 70 человек и участвует в боях. В 1920 г. на Имане (Дальнереченск) был зачислен в команду бронепоезда «Бесстрашный»... При этом литературного труда он не оставил, продолжая публиковать стихотворения в местной газете «Революционный партизан», созданной по решению Ольгинского ревштаба. Позднее газета была переименована в «Вестник партизана» («Партизанский вестник»).

По воспоминаниям знавших Костю лично, тот не обладал большим, сильным голосом, скорее приятным, душевным. Но, имея хороший музыкальный слух, любил и слушать песни, и сам включаться в хор. Как и другие партизанские лирики тех лет, К. Рослый широко использовал в своём творчестве жанр военно-исторической, патриотической песни. В героическом прошлом нашего края песни поэта-дальневосточника были особенно популярны. Одной из известных стала «Дуют холодные ветры». Поэту принадлежит тот вариант текста, в котором фигурирует образ С. Лазо. Песня была написана на мотив распространённой песни Я. Репнинского «Варяг» («Плещут холодные волны»).

*Дуют холодные ветры,
С сопки сметая листья,
Носится коршун над сопкой,
Крик его полон тоски.
Там, у Сучанской долины,
Где скалы угрюмо глядят,
Стройно выходит к равнине
Наш партизанский отряд.
У них не узнать командира,
Кто в чём попало одет,
Но грозен врагам-интервентам
Их партизанский ответ [7, с. 108].*

Считалось, что авторство стихов окончательно не установлено. Первые тексты были опубликованы ещё при жизни поэта-партизана, и он мог бы внести ясность. Однако сам он нигде не говорит, что он автор первоначального текста этой популярнейшей песни. Об этом пишет Николай Матвеев-Бодрый. Он, бывший партизан-дальневосточник и собиратель архива своей семьи, публикует данные, доказывающие авторство К. Рослого, бойца из отряда Сергея Лазо [31].

*По пыльным дорогам и тропам
В бой партизаны идут,
Счастье, свободу народу
Под знаменем красным несут.
Впереди партизанских отрядов
Идёт молодой комиссар,
Сергеем его величают,
Лазо — партизаны зовут.
Как ненавидят японцы
Имя Сергея Лазо!
Все партизаны-приморцы
Любят за правду его.
Пусть не боятся крестьяне
Заклятых врагов-беляков:
На страже стоят партизаны —
Всегда защитят от итьиков [7, с. 108].*

А.В. Шилов в работе «Неизвестные авторы известных песен» приводит воспоминание Н.К. Ильюхова, одного из руководителей партизанского движения в Сучанской долине, который утверждает, что автором песни был К. Рослый [56, с. 38—40]. Принадлежность песни «Дуют холодные ветры» дальневосточному поэту фиксируют также Л.В. Домановский и Н.В. Новиков [46, с. 69—70], Л.Е. Элиасов [7, с. 108], С.И. Красноштанов [53, с. 58—59].

Известно, что в 1924 г. А.П. Георгиевский зафиксировал и записал в Спасске переработанный вариант песни и сведения о том, что она была сочинена в 1919 г. в Сучанской долине двумя партизанами — Дубовым и Вильсоном (партизанская кличка). Песня называлась «Думы партизана» и пелась на мотив «Чайки»:

*Дуют холодные ветры,
Вьются над думой мирской,
Носится коршун над сопкой,
Крик его полный тоской.
Там средь Сучанской долины,
Где сопки угрюмо глядят,*

*Стройно выходит в равнины,
 Наш партизанский отряд.
 Нет на нём ярких мундиров,
 Кто в чём попало одет,
 Не узнать без погон командира,
 Но грозен врагам их ответ [6, с. 93].*

«Окончательно переработана и пелась с отрядами в Иманской долине. Распространена была больше всего в первом Приморском отряде, начальником которого был т. Дубов (он же Кишкалёв), погибший в дер. Любитовка и похороненный в дер. Арнадная Иманского уезда, а последнее время тов. Милёхин» [6, с. 93].

В песне на первый план выходят думы и настроения партизана, который, глядя на свой отряд, «стройно выходящий в равнину», просит коршуна, носящегося над сопкой, снести в советскую отчизну «партизанский привет»:

*Пусть не боятся крестьяне
 Проклятой цепи Колчака,
 На их стороне партизаны
 Избавят всегда от врага.
 О делах партизанских отрядов
 Скоро узнает весь свет.
 Коршун, снеси в Советчизну
 Наш партизанский привет [6, с. 93].*

Н.К. Ильюхов, один из партизанских командиров Сучанской долины, друг детства, одноклассник и боевой соратник Кости, отмечал, какую важную роль сыграла поэзия К. Рослого в партизанском движении — в годы Гражданской войны он фактически стал его певцом. Рассказывая о влиянии песни «Дуют холодные ветры», Н.К. Ильюхов писал: «Партизаны жаждали новой песни. Они требовали, чтобы их героика была выражена в стихах, в мелодии. И Костя дал им эту песню. Он написал стихотворение и, не будучи сам композитором, вложил его в размеры старой боевой мелодии, созданной на подвиг героев „Варяга“. Песня „Дуют холодные ветры“ вихрем пронеслась по долине Сучана, перекинулась через горы Сихотэ-Алиня и стала популярнейшей песней партизан Приморья в течение всех четырёх лет войны. Её распевали школьники, девушки, старики — всё население края. Песня эта сплывала и дисциплинировала воинов в тяжёлых маршах, вдохновляла их перед боем, воспитывала революционный дух. Я помню, как прибывший к нам Лазо впервые услышал эту песню. Он выстроил партизан

и на глазах у всех обнял Костю, горячо благодарил его. Он, помнится, говорил ему: „Верно ты выразил дух партизанства, когда сказал в своей песне, не узнать без погон командиров, но грозен врагу их ответ”» [56, с. 40].

В пятом номере «Партизанского вестника» за 5 мая 1919 г. впервые была напечатана скорбная песня К. Рослого «На смерть партизана». Произведение было посвящено трагически погибшему другу, революционеру-интернационалисту Эмилию Либкнехту, командиру отряда приморских партизан Сучанской долины:

*Сражён ты ударом судьбы роковой,
Герой и боец за свободу;
Всю молодость жизни цветущей своей
Ты отдал с любовью народу...
В ущельях, долинах дух смерти летал
В сраженьях кровавых с врагами,
Но пули, гранаты щадили тебя,
И в бой ты бесстрашно шёл с нами [2, с. 88—89].*

Н. Матвеев-Бодрый вспоминает о рождении этих стихов: «Каждый раз, когда прощались, хоронили погибших, звучал в хоровом пении и в оркестре старый марш народовольцев „Вы жертвою пали...”. Напевал про себя похоронный марш и К. Рослый. Так родилась его песня „На смерть партизана”» [32, с. 142]. Приспособливая к новой тематике старые тексты песен, К. Рослый перенимает и их жанровую разновидность — форму плача воина над погибшими товарищами. На похоронах Э. Либкнехта в селе Казанка редактор «Вестника», известная партизанка К.И. Жук-Макарова прочла эти стихи вместо прощальной речи:

*Но было угодно судьбе роковой
В долине широкой Сучана
Дать смерти забвенье и вечный покой,
И славу, и честь партизана.
Ты пал вдалеке от родимой земли,
Борец за свободу народный...
Прощай же, товарищ, ты честно прошёл
Свой доблестный путь благородный [2, с. 88—89].*

Как писал В.Г. Пузырёв, «личное, индивидуальное горе поэта в революционной песне-плаче сливается с горем коллектива, отряда партизан, прощающихся с любимым командиром, но содержание песни звучит оптимистически, поэт верит в торжество дела освобождения народа, за которое отдают жизни его

лучшие сыны» [40, с. 221]. Впоследствии песню-плач «На смерть партизана» знали и пели все бойцы и жители Сучанской долины. Вторично стихотворение было напечатано в «Красном знамени» 7 ноября 1922 г. [45].

Однако, помимо реалий партизанского движения и Гражданской войны, второй главенствующей темой творчества К. Рослого оставалась жизнь приморских крестьян, и здесь основным лейтмотивом являлись сельские будни, главным героем был деревенский человек — хлебопашец и труженик. «Сучан, с его горами и долинами, сёлами и деревнями, рабочими посёлками и шахтами, К. Рослый исходил вдоль и поперёк пешком. И не было уголка в районе, где бы не знали светловолосого, с синими глазами паренька» [32, с. 125—126]. Тонко подметил эту особенность его поэзии друг В. Март: «Суровый и непоколебимый в борьбе партизан, К. Рослый вместе с тем был нежнейшим деревенским поэтом» [32, с. 131]. Разнообразные жанры, позволившие коренному дальневосточнику поэтически выразить разные стороны жизни любимого крестьянства, произрастали, конечно, из устного народного творчества. Но об этом разговор впереди.

Подводя некоторые предварительные итоги, отметим, что предпринятое обращение к теме не может охватить всё творчество К. Рослого. Рамки статьи, заданные её композицией, логикой и объёмом, не позволяют охарактеризовать другие жанровые дефиниции. На данный момент это уже стало предметом очередного — продолжающего начатое — исследования, которое также посвящено проблемам жанрово-стилевого своеобразия дальневосточной поэзии периода Гражданской войны и интервенции.

Рассматривая разнообразие жанров и форм гражданской лирики 1917—1922 гг., в качестве перспективных целей обозначим изучение творчества других партизанских поэтов Дальнего Востока: Г.Я. Отрепьева, В.М. Кручины, Н.К. Костарёва, П.С. Парфёнова. Сопоставление творческих стилей этих идейно и литературно-поэтически схожих авторов представляется весьма продуктивным и интересным. Каждый из них прошёл самый сложный путь — жизненный, боевой, профессиональный, литературный. Каждый искренне считал, что избранная им дорога самая верная. И нельзя сегодня не признать, что убеждения и цели героев тех суровых лет основывались на идее исторического благополучия для потомков. При всей зачастую нескрываемой идеологизированности творчества, форсированном революционном пафосе, художественных шероховатостях или стилистических недоработках в своих произведениях поэты-командиры и партизанские лирики искренне выражали

надежду на скорейшее обретение счастливой, мирной, трудовой жизни. С уверенностью можно сказать, что жизни этих людей, положенные на алтарь светлого будущего, жизни, посвящённые борьбе за освобождение Приморья и установление советской власти, были отданы не напрасно. Их творчество сегодня необходимо оценивать с точки зрения насущных проблем и сложностей, накопившихся в нашем современном гражданском обществе. Обнаруженный, имеющийся или по-новому переосмысленный на данном историческом этапе ёмкий документальный и художественный материал предоставляет нам такую возможность.

В целом отметим, что в литературном творчестве дальневосточных авторов начала 1920-х гг., будь то поэзия, проза, актуальная публицистика, аналитика, журнальные публикации или иные материалы, которые хранит на своих страницах архивная периодика прошлого века, нашли отражение драматические события российской и мировой истории XX столетия. И они должны быть восприняты нами, их потомками, в качестве очередного — незабываемого — урока патриотизма.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Августовский Б. Жизнь, как песня // Красное знамя. Владивосток. 1980. 15 октября.
2. Антология поэзии Дальнего Востока. 1917—1967 / сост. В. Пузырёв, Ю. Иванов. Хабаровск: Кн. изд-во, 1967. 479 с.
3. Беляев Б. Константин Рослый // Тихоокеанский комсомолец. Владивосток. 1953. 12 марта.
4. Бондарева Э. Люди подвига: о работниках милиции в 1920-х гг. Тихоне и Константине Рослом // Красное знамя. Владивосток. 1976. 23 ноября.
5. Георгиевский А.П. Искорки таланта: заметки о поэтическом творчестве местного поэта К. Рослого // На культурном фронте: ежемесячный журнал Дальневосточного краевого отделения народного образования; отв. ред. А.В. Пономарёв. Хабаровск; Владивосток: Книжное дело, 1928. № 8. С. 87—90.
6. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Вып. 4: Фольклор Приморья: фольклорно-диалектологический очерк. Владивосток: Дальневост. гос. университет, 1929. 118 с. (Труды Государственного Дальневосточного университета. Сер. 3. № 9).
7. Героическая поэзия гражданской войны в Сибири / сост. Л.Е. Элиасов. Новосибирск: Наука, 1982. 337 с.
8. Дворниченко Н.Е. Вчера и сегодня забайкальской литературы: статьи, очерки, портреты. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1982. 272 с.
9. Дроздова Е. Близкий Дальний Восток: о поэте-партизане К.Л. Рослом и его биографе Н.Н. Матвееве-Бодром // Тихоокеанский комсомолец. Владивосток. 1976. 22 января.

10. Захаров В. Партизанская песня и её автор // Молодой дальневосточник. Хабаровск. 1962. 15 июля.
11. Зилова К.Н. «Вот и я с моими песнями...». К 105-летию со дня рождения Константина Леонтьевича Рослого (1898—1926) // Записки Гродековского музея. Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2004. Вып. 7. С. 5—16.
12. Иващенко Л., Котенок П., Шиманский И. Военком Константин Рослый — партизанский поэт: к 90-летию со дня рождения // Блокнот агитатора. Владивосток. 1988. № 16 (август). С. 22—24.
13. Ильюхов Н., Титов М. Партизанское движение в Приморье. 1918—1920. Ленинград: Прибой; Типо-лит. «Вестник Ленингр. Облесполкома», 1928. 252 с.
14. Кириллова Е.О. Выдающиеся деятели культуры Дальнего Востока России. Матвеевы: из рода литераторов // Литература и культура Дальнего Востока, Сибири и Восточного зарубежья. Проблемы межкультурной коммуникации: статьи участников VI Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием (4 февраля 2016 г.) / отв. ред. А.А. Новикова. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. С. 17—22.
15. Кириллова Е.О. Дальневосточная гавань русского футуризма. Кн. 1. Модернистские течения в литературе Дальнего Востока России 1917—1922 гг. (поэтические имена, идейно-художественные искания): монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. 636 с.
16. Косовец В. «С сердцем пламенным...» // Советское Приморье. Партизанский район. 1967. 31 августа.
17. Котенок П., Шиманский И. Поэт-партизан (очерк) // Находкинский рабочий. Находка. 1988. 21 июня—3 июля. № 119—121, 126—127.
18. Красный сучанец. Партизанский район. 1970. 17 января.
19. Крившенко С.Ф. Писатели Приморья: справочное издание. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. 240 с.
20. Левит Е. Поэт партизанского Приморья // Смена. 1968. № 3. С. 4.
21. Леонов Н. Боец «огненной роты» // Боевая вахта. Владивосток. 1988. 24 декабря.
22. Леонов Н. Боец «огненной роты» // Россия. 1981. 11 декабря. С. 24.
23. Леонов Н. Партизанский поэт К. Рослый // Дальний Восток. 1982. № 2. С. 159.
24. Март В. Народ, искусство и знание: лекция // Великий Океан: ежемесячный общественно-экономический кооперативный журнал. Владивосток. 1918. № 7—8. С. 167—171.
25. Матвеев Г. Какие бы ветры не шумели: к 95-летию со дня рождения дальневосточного поэта К. Рослого // Утро России. Владивосток. 1993. 26 октября.
26. Матвеев Г. «Огурцы» получены: воспоминания о К. Рослом в партизанском отряде // Советское Приморье. Партизанский район. 1978. 21 сентября.
27. Матвеев Г.Н. Партизанские были // Тихоокеанский комсомолец, Владивосток. 1978. 30 мая.
28. Матвеев З.Н. Дальний Восток в художественной литературе // На рубеже: дальневосточный литературно-художественный и общественно-политический альманах. Хабаровск. 1935. № 1. С. 121—124.
29. Матвеев З.Н. Пресса на Дальнем Востоке в 1920 году // Земская жизнь Приморья. Владивосток. 1921. № 2. 15 февраля. С. 16—20.

30. Матвеев-Бодрый Н.Н. Поэт-партизан Костя Рослый // ...И вновь продолжается бой. Владивосток, 1978. С. 58—67.
31. Матвеев-Бодрый Н.Н. Поэт-партизан Костя Рослый // Заря, орган Партизанского райкома КПСС Приморского края. 1958. 27 сентября.
32. Матвеев-Бодрый Н.Н. Поэт-партизан Костя Рослый // Тихий океан: литературно-художественный альманах. Владивосток. 1959. № 1 (25). С. 125—162.
33. Матвеев-Бодрый Н.Н. Стихи поэта-партизана // Дальний Восток. 1958. № 5. С. 161—163.
34. Матвеев-Бодрый Н.Н. Сучанский партизан // Вечно живые. М., 1958. С. 65—73.
35. Матвеевы. Две даты. Две жизни. Два мира: материалы III Матвеевских научных чтений, г. Владивосток, 11—12 декабря 2018 г. / под общ. ред. А.Г. Брюханова. Владивосток: Валентин, 2019. 326 с.
36. Материалы семинара «Организация исследовательской деятельности учащихся по краеведению» на примере темы «Гражданская война в Приморье» / сост. Н.Н. Котова, Л.В. Жандарова. URL: <https://psihdocs.ru/seminara-organizaciya-issledovateleskoj-deyatelenosti-uchashih.html> (дата обращения: 30.05.2023).
37. Находкинский рабочий. 1969. 27 сентября.
38. Памяти тов. К.Л. Рослого. Некролог // Красное знамя. Владивосток. 1926. 17 сентября. С. 2.
39. Партизанский поэт // Молодой дальневосточник. 1958. 23 октября.
40. Пузырёв В.Г. Партизанские поэты Дальнего Востока // Учёные записки Мелекесского государственного педагогического института. Т. III. Мелекес, 1963. С. 201—247.
41. Пузырёв В.Г. Становление советской литературы на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.) // Учёные записки Ульяновского государственного педагогического института имени И.Н. Ульянова. Т. XXVII. Вып. 2. Ульяновск, 1971. С. 23—34.
42. Рева Е.Т. К столетию села Владимиро-Александровского. Поэт-партизан Костя Рослый // Советское Приморье. Находка. 1964. 30 июня. С. 3—4.
43. Ревоненко А.В. Трубачи на заре. Партизанская поэзия периода гражданской войны на Дальнем Востоке (1917—1922). Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1972. 32 с.
44. Рослый К.Л. Золото дорожное // Эхо. Владивосток. 1920. 28 марта. С. 3.
45. Рослый К.Л. На смерть партизана // Красное знамя. Владивосток. 1922. 7 ноября.
46. Русский советский фольклор. Антология / сост. и примеч. Л.В. Домановского, Н.В. Новикова, Г.Г. Шаповаловой; под ред. Н.В. Новикова, Б.Н. Путилова. Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1967. 190 с.
47. Садарико. Библиография, посвящённая всему сочинённому Вл. Маяковским в 1909—1919 г. // Воля. Владивосток. 1920. 14 октября. С. 5.
48. Садарико. Некролог памяти поэтессы О.Г. Худяковой // Эхо. Владивосток. 1919. 11 ноября. С. 4.
49. Садарико. Поэт-партизан // Эхо. Владивосток. 1920. 28 марта. С. 3.
50. Самусенко И. Партизанский поэт Костя Рослый: из воспоминаний бывшего партизана Сучанской долины // Боевая вахта. Владивосток. 1968. 21 августа. С. 4.

51. Советское Приморье. [Партизанский р-н]. 1982. 19 октября.
52. Сто лет поэзии Приморья. Антология / сост. В.М. Тыцких, С.Ф. Крившенко. Владивосток: Уссури, 1998. 296 с.
53. Тропами таёжными / сост. С.И. Красноштанов. Хабаровск: Книжное изд-во, 1969. 160 с.
54. Трушкин В.П. Из пламени и света. Гражданская война и литература Сибири. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1976. 368 с.
55. Хисамутдинов А.А. Жизнь за книгу. Владивосток: Дальнаука, 2019. 264 с.
56. Шилов А.В. Неизвестные авторы известных песен. М.: Всероссийское хоровое общество, 1961. 112 с.

REFERENCES

1. Avgustovskiy B. Zhizn', kak pesnya [Life Like a Song]. *Krasnoe znamya*, Vladivostok, 1980, October 15. (In Russ.)
2. *Antologiya poezii Dal'nego Vostoka. 1917—1967* [Anthology of Poetry of the Far East. 1917—1967]. Comp. by V. Puzyrev, Yu. Ivanov. Khabarovsk, Kn. izd-vo Publ., 1967, 479 p. (In Russ.)
3. Belyaev B. Konstantin Roslyy [Konstantin Rosly]. *Tikhookeanskiy komсомоlets*, Vladivostok, 1953, March 12. (In Russ.)
4. Bondareva E. Lyudi podviga: o rabotnikakh militsii v 1920-kh gg. Tikhone i Konstantine Roslom [People of the Feat: About the Police Officers Tikhon and Konstantin Rosly in the 1920s]. *Krasnoe znamya*, Vladivostok, 1976, November 23. (In Russ.)
5. Georgievskiy A.P. Iskoriki talanta: zametki o poeticheskom tvorchestve mestnogo poeta K. Roslogo [Sparks of Talent: Notes on the Poetic Work of the Local Poet K. Rosly]. *Na kul'turnom fronte: ezheemesyachnyy zhurnal Dal'nevostochnogo kraevogo otdeleniya narodnogo obrazovaniya*. Executive ed. A.V. Ponomarev. Khabarovsk, Vladivostok, Knizhnoe delo Publ., 1928, no. 8, pp. 87—90. (In Russ.)
6. Georgievskiy A.P. *Russkie na Dal'nem Vostoke. Vyp. 4: Fol'klor Primor'ya: Fol'klorno-dialektologicheskii ocherk* [Russians in the Far East. Vol. 4: Primorye Folklore: Folklore Dialectological Essay]. Vladivostok, Dal'nevost. gos. universitet Publ., 1929, 118 p. (Trudy Gosudarstvennogo Dal'nevostochnogo universiteta [Proceedings of the Federal State University], series 3, no. 9). (In Russ.)
7. *Geroicheskaya poeziya grazhdanskoy voyny v Sibiri* [Heroic Poetry of the Civil War in Siberia]. Comp. by L.E. Eliasov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982, 337 p. (In Russ.)
8. Dvornichenko N.E. *Vchera i segodnya zabaykal'skoy literatury: stat'i, ocherki, portrety* [Yesterday and Today of Trans-Baikal Literature: Articles, Essays, Portraits]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo Publ., 1982, 272 p. (In Russ.)
9. Drozdova E. Blizkiy Dal'niy Vostok: o poete-partizane K.L. Roslom i ego biografe N.N. Matveev-Bodrom [Close Far East: About the Partisan Poet K.L. Rosly and His Biographer N.N. Matveev-Bodry]. *Tikhookeanskiy komсомоlets*, Vladivostok, 1976, January 22. (In Russ.)
10. Zakharov V. Partizanskaya pesnya i ee avtor [Partisan Song and Its Author]. *Molodoy dal'nevostochnik*, Khabarovsk, 1962, July 15. (In Russ.)

11. Zilova K.N. «Vot i ya s moimi pesnyami...». K 105-letiyu so dnya rozhdeniya Konstantina Leont'evicha Roslogo (1898—1926) [“Here I Am with My Songs...”. On the 105th Anniversary of the Birth of Konstantin Leontyevich Rosly (1898—1926)]. *Zapiski Grodekovskogo muzeya* [Notes of the Grodekova Museum]. Khabarovsk, KhKKM im. N.I. Grodekova Publ., 2004, iss. 7, pp. 5—16. (In Russ.)
12. Ivashchenko L., Kotenok P., Shimanskiy I. Voennom Konstantin Rosly — partizanskiy poet: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya [Military Commissar Konstantin Rosly — Partisan Poet: On the 90th Anniversary of His Birth]. *Bloknot agitatora*, Vladivostok, 1988, no. 16 (August), pp. 22—24. (In Russ.)
13. Il'yukhov N., Titov M. *Partizanskoe dvizhenie v Primor'e. 1918—1920* [Partisan Movement in Primorye. 1918—1920]. Leningrad, Priboy, Tipo-lit. «Vestnik Leningr. Oblispolkoma» Publ., 1928, 252 p. (In Russ.)
14. Kirillova E.O. Vydayushchiesya deyateli kul'tury Dal'negu Vostoka Rossii. Matveevy: Iz roda literatorov [Outstanding Cultural Figures of the Russian Far East. The Matveevs: Writers]. *Literatura i kul'tura Dal'negu Vostoka, Sibiri i Vostochnogu zarubezh'ya. Problemy mezhkul'turnoy kommunikatsii: stat'i uchastnikov VI Vserossiyskoy nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem (4 fevralya 2016 g.)* [Literature and Culture of the Far East, Siberia and East Expatriate Community. Problems of International Communication: Papers of the Participants of the Fourth All-Russian Applied Research Conference with International Participation (4 February 2016)]. Executive ed. A.A. Novikova. Vladivostok, Dal'nevost. federal. un-t Publ., 2016, pp. 17—22. (In Russ.)
15. Kirillova E.O. *Dal'nevostochnaya gavan' russkogo futurizma. Kn. 1. Modernistskie techeniya v literature Dal'negu Vostoka Rossii 1917—1922 gg. (poeticheskie imena, ideyno-khudozhestvennyye iskanija): monografiya* [Far Eastern Harbor of Russian Futurism. Book One. Modernist Movements in the Literature of the Russian Far East in 1917—1922 (Poetic Names, Ideological and Artistic Searches): Monograph]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta Publ., 2011, 636 p. (In Russ.)
16. Kosovets V. «S serdtsem plamennym...» [“With a Fiery Heart”]. *Sovetskoe Primor'e*, Partizanskiy region, 1967, August 31. (In Russ.)
17. Kotenok P., Shimanskiy I. Poet-partizan (ocherk) [Partisan Poet (Essay)]. *Nakhodkinskiy rabochiy*, Nakhodka, 1988, June 21 — July 3, no. 119—121, 126—127. (In Russ.)
18. *Krasnyy suchanets*, Partizanskiy region, 1970, January 17. (In Russ.)
19. Krivshenko S.F. *Pisateli Primor'ya: spravochnoe izdanie* [Writers of Primorye: Reference Edition]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ., 2006, 240 p. (In Russ.)
20. Levit E. Poet partizanskogo Primor'ya [Poet of Partisan Primorye]. *Smena*, 1968, no. 3, p. 4. (In Russ.)
21. Leonov N. Boets «ogennoy roty» [Fighter of the “Fire Company”]. *Boevaya vakhta*, Vladivostok, 1988, December 24. (In Russ.)
22. Leonov N. Boets «ogennoy roty» [Fighter of the “Fire Company”]. *Rossiya*, 1981, December 11, p. 24. (In Russ.)
23. Leonov N. Partizanskiy poet K. Rosly [Partisan Poet K. Rosly]. *Dal'niy Vostok*, 1982, no. 2, p. 159. (In Russ.)
24. Mart V. Narod, iskusstvo i znanie: lektsiya [People, Art and Knowledge: Lecture]. *Velikiy Okean: ezhemesyachnyy obshchestvenno-ekonomicheskii kooperativnyy zhurnal*, Vladivostok, 1918, no. 7—8, pp. 167—171. (In Russ.)

25. Matveev G. Kakie by vetry ne shumeli: k 95-letiyu so dnya rozhdeniya dal'nevostochnogo poeta K. Roslogo [Whatever Winds Make Noise: On the 95th Anniversary of the Birth of the Far Eastern Poet K. Rosly]. *Utro Rossii*, Vladivostok, 1993, October 26. (In Russ.)
26. Matveev G. «Ogurtsy» polucheny: vospominaniya o K. Roslom v partizanskom otrjade [“Cucumbers” Received: Memories about K. Rosly in the Partisan Detachment]. *Sovetskoe Primor'ye*, Partizanskiy region, 1978, September 21. (In Russ.)
27. Matveev G.N. Partizanskiye byli [Partisan True Stories]. *Tikhookeanskiy komsomolets*, Vladivostok, 1978, May 30 (In Russ.)
28. Matveev Z.N. Dal'niy Vostok v khudozhestvennoy literature [The Far East in Fiction]. *Na rubezhe: dal'nevostochnyy literaturno-khudozhestvennyy i obshchestvenno-politicheskiy al'manakh* [Na Rubezhe: Far Eastern Literary and Art and Sociopolitical Anthology]. Khabarovsk, 1935, no. 1, pp. 121—124. (In Russ.)
29. Matveev Z.N. Pressa na Dal'nem Vostoke v 1920 godu [Press in the Far East in 1920]. *Zemskaya zhizn' Primor'ya*, Vladivostok, 1921, no. 2, February 15, pp. 16—20. (In Russ.)
30. Matveev-Bodry N.N. Poet-partizan Kostya Rosly [Partisan Poet Kostya Rosly]. ...*I vnov' prodolzhaetsya boy* [...And the Battle Is Going on]. Vladivostok, 1978, pp. 58—67. (In Russ.)
31. Matveev-Bodry N.N. Poet-partizan Kostya Rosly [Partisan Poet Kostya Rosly]. *Zarya, organ Partizanskogo raykoma KPSS Primorskogo kraya*, 1958, September 27. (In Russ.)
32. Matveev-Bodry N.N. Poet-partizan Kostya Rosly [Partisan Poet Kostya Rosly]. *Tikhiiy okean: literaturno-khudozhestvennyy al'manakh*, Vladivostok, 1959, no. 1 (25), pp. 125—162. (In Russ.)
33. Matveev-Bodry N.N. Stikhi poeta-partizana [Poems of the Partisan Poet]. *Dal'niy Vostok*, 1958, no. 5, pp. 161—163. (In Russ.)
34. Matveev-Bodry N.N. Suchanskiy partizan [Suchan Partisan]. *Vechno zhivye* [Forever Alive]. Moscow, 1958, pp. 65—73. (In Russ.)
35. *Matveevy. Dve daty. Dve zhizni. Dva mira: materialy III Matveevskikh nauchnykh chteniy, g. Vladivostok, 11—12 dekabrya 2018 g.* [The Matveevs. Two Dates. Two Lives. Two Worlds: Proceedings of the Third Matveev Scientific Readings, Vladivostok, December 11—12, 2018]. General ed. by A.G. Bryukhanov. Vladivostok, Valentin Publ., 2019, 326 p. (In Russ.)
36. Materialy seminarov «Organizatsiya issledovatel'skoy deyatelnosti uchashchikhsya po kraevedeniyu» na primere temy «Grazhdanskaya vojna v Primor'ye» [Materials of the Seminar “Organization of Research Activities of Students in Local History” on the Example of the Topic “Civil War in Primorye”]. Comp. by N.N. Kotova, L.V. Zhandarova. Available at: <https://psih-docs.ru/seminara-organizaciya-issledovateleskoj-deyatelenosti-uchashih.html> (accessed 30.05.2023). (In Russ.)
37. *Nakhodkinskiy rabochiy*, 1969, September 27. (In Russ.)
38. Pamyati tov. K.L. Roslogo. Nekrolog [In Memory of Comrade K.L. Rosly. Obituary]. *Krasnoye znamya*, Vladivostok, 1926, September 17, p. 2. (In Russ.)
39. Partizanskiy poet [Partisan Poet]. *Molodoy dal'nevostochnik*, 1958, October 23. (In Russ.)
40. Puzyrev V.G. Partizanskiye poety Dal'nego Vostoka [Partisan Poets of the Far East]. *Uchenye zapiski Melekesskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, Melekess, 1963, vol. III, pp. 201—247. (In Russ.)

41. Puzyrev V.G. Stanovlenie sovetskoy literatury na Dal'nem Vostoke (1917—1922 gg.) [The Formation of Soviet Literature in the Far East (1917—1922)]. *Uchenye zapiski Ul'yanovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni I.N. Ul'yanova*, Ul'yanovsk, 1971, vol. 27, part 2, pp. 23—34. (In Russ.)
42. Reva E.T. K stoletiyu sela Vladimiro-Aleksandrovskogo. Poet-partizan Kostya Rosly [On the Centenary of the Vladimir-Alexandrovsky Village. Partisan Poet Kostya Rosly]. *Sovetskoe Primor'ye*, Nakhodka, 1964, June 30, pp. 3—4. (In Russ.)
43. Revonenko A.V. *Trubachi na zare. Partizanskaya poeziya perioda grazhdanskoy voyny na Dal'nem Vostoke (1917—1922)* [Trumpeters at Dawn. Partisan Poetry during the Civil War in the Far East (1917—1922)]. Khabarovsk, Khabarovskoe kn. izd-vo Publ., 1972, 32 p. (In Russ.)
44. Roslyy K.L. Zoloto dorozhnoe [Road Gold]. *Ekho*, Vladivostok, 1920, March 28, p. 3 (In Russ.)
45. Roslyy K.L. Na smert' partizana [To the Death of a Partisan]. *Krasnoe znamya*, Vladivostok, 1922. November 7. (In Russ.)
46. *Russkiy sovetskiy fol'klor. Antologiya* [Russian Soviet Folklore. Anthology]. Comp. and notes by L.V. Domanovskiy, N.V. Novikov, G.G. Shapovalova, ed. by N.V. Novikov, B.N. Putilov. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdnie Publ., 1967, 190 p. (In Russ.)
47. Sadariko. Bibliografiya, posvyashchennaya vsemu sochinennomu Vl. Mayakovskim v 1909—1919 g. [Bibliography Dedicated to Everything Composed by Vl. Mayakovsky in 1909—1919]. *Volya*, Vladivostok, 1920, October 14, p. 5 (In Russ.)
48. Sadariko. Nekrolog pamyati poetessy O.G. Khudyakovoy [Obituary in Memory of the Poetess O.G. Khudyakova]. *Ekho*, Vladivostok, 1919, November 11, p. 4 (In Russ.)
49. Sadariko. Poet-partizan [Partisan Poet]. *Ekho*, Vladivostok, 1920, March 28, p. 3. (In Russ.)
50. Samusenko I. Partizanskiy poet Kostya Roslyy: iz vospominaniy byvshego partizana Suchanskoy doliny [Partisan Poet Kostya Rosly: From the Memoirs of the Former Partisan of the Suchan Valley]. *Boevaya vakhta*, Vladivostok, 1968, August 21, p. 4. (In Russ.)
51. *Sovetskoe Primor'ye*, Partizanskiy region, 1982, October 19. (In Russ.)
52. *Sto let poezii Primor'ya. Antologiya* [One Hundred Years of Poetry of Primorye. Anthology]. Comp. by V.M. Tytskikh, S.F. Krivshenko. Vladivostok, Ussuri Publ., 1998, 296 p. (In Russ.)
53. *Tropami taezhnymi* [Taiga Trails]. Comp. by S.I. Krasnoshtanov. Khabarovsk, Knizhnoe izd-vo Publ., 1969, 160 p. (In Russ.)
54. Trushkin V.P. *Iz plameni i sveta. Grazhdanskaya voyna i literatura Sibiri* [From Flame and Light. The Civil War and Literature of Siberia]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo Publ., 1976, 368 p. (In Russ.)
55. Khisamutdinov A.A. *Zhizn' za knigu* [Life for the Book]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2019, 264 p. (In Russ.)
56. Shilov A.V. *Neizvestnye avtory izvestnykh pesen* [Unknown Authors of Famous Songs]. Moscow, Vserossiyskoe khorovoe obshchestvo Publ., 1961, 112 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 06.06.2023